

АКАДЕМИК В. М. ЖИРМУНСКИЙ КАК ЯЗЫКОВЕД

1. С именем академика Виктора Максимовича Жирмунского, скончавшегося 31 января 1971 г. в Ленинграде, связана целая эпоха в развитии отечественной филологии. Блестящий ученый-энциклопедист, оригинальный исследователь, талантливый педагог, энергичный организатор науки, он внес неоценимый вклад в советское языкознание и литературоведение. Широта его интересов, диапазон его исследований были поистине поразительны. История западных литератур и проблемы народного эпоса, теория стиха, диалектология и история немецкого языка, сравнительная грамматика германских языков и общее языкознание — в каждой из этих областей филологической науки труды В. М. Жирмунского, оригинальные по замыслу, насыщенные новым материалом, оказали определяющее влияние, служили импульсом для дальнейших творческих исканий.

В. М. Жирмунский родился в 1891 г. в Петербурге. По окончании Петербургского университета он был оставлен при кафедре романо-германской филологии для подготовки к педагогической деятельности. В университете в те годы еще живы были традиции русской школы романо-германской филологии академика А. Н. Веселовского, один из ближайших учеников которого Ф. А. Браун был непосредственным учителем В. М. Жирмунского; широта научных интересов, столь характерная для всего творческого пути В. М. Жирмунского, несомненно связана с традициями петербургской филологической школы. Здесь же в Петербургском университете В. М. Жирмунский оказался в сфере влияния одного из наиболее значительных представителей теоретического языкознания XIX — начала XX в. — И. А. Бодуэна де Куртене; влияние это, как непосредственное, так и через общение с Л. В. Щербой, отразилось на более поздних фонологических и грамматических штудиях В. М. Жирмунского. Полугодовая командировка в Германию должна была завершить его университетскую германистическую подготовку. Слушая лекции в Мюнхенском, Берлинском и Лейпцигском университетах, он совершенствовал свои знания в области литературоведения, языкознания и философии. Особое значение для формирования будущего языковеда-германиста имели лекции известного фонетиста Э. Сиверса и одного из авторитетнейших представителей младограмматического направления Г. Пауля.

2. В первые годы своей деятельности в Петербургском университете, где он стал приват-доцентом в 1915 г., В. М. Жирмунский посвятил себя литературоведению. Интерес к лингвистическим проблемам проявляется позднее, с середины 20-х годов, когда ставший к тому времени профессором В. М. Жирмунский приступил к изучению диалектологии, фольклора и этнографии немецких поселений в Советском Союзе. Этому предшествовало знакомство с методами лингвистической географии в Институте исторического краеведения в Бонне, руководителем которого был проф. Т. Фрингс, а также в Диалектологическом институте в Марбурге, где директором был один из создателей немецкой диалектологической школы

проф. Ф. Вреде. Так определился другой круг проблем, которыми ученый занимался в течение всей своей жизни.

В. М. Жирмунский становится одним из зачинателей, пропагандистов и организаторов диалектографической работы в нашей стране. Его труды по основным проблемам лингвистической географии сыграли определяющую роль в популяризации новых принципов собирания, анализа и обработки диалектных материалов по языкам Советского Союза. Когда в 60-е годы перед отечественной тюркологией встает вопрос о необходимости создать атлас тюркских языков Советского Союза, В. М. Жирмунский выступает как идейный вдохновитель и теоретик этого огромного дела со специальной статьей¹.

То обстоятельство, что начальный период языковедческой деятельности В. М. Жирмунского характеризовался исследованием живых диалектов, к тому же в непосредственной связи с этнографией и фольклором, имело немаловажное значение для всего направления его дальнейшей лингвистической деятельности. В условиях изучения живых диалектов языковой материал раскрывался перед ученым в своей непосредственной данности, в процессе живого функционирования. Механизмы языковой деятельности и языковых изменений проявлялись и могли быть познанными на фоне их очевидной социальной обусловленности. Поэтому предпосылки столь характерные для всех работ В. М. Жирмунского глубокого проникновения в интимные связи «внешнего» и «внутреннего» аспектов языка создавались уже в процессе этих ранних диалектографических исследований. В зависимости от конкретных задач, которые решались в многочисленных лингвистических трудах В. М. Жирмунского, на первый план могло выдвигаться изучение внутриязыковых механизмов, или, наоборот, рассмотрение социальной обусловленности языковых отношений, но одной из основных черт его лингвистической теории было понимание диалектического единства этих двух аспектов языка как его важнейшей онтологической характеристики, а следовательно и существенного принципа лингвистического исследования.

Отмечая значение этого раннего периода для формирования лингвистического мировоззрения В. М. Жирмунского, следует указать, что диалектологические штудии явились подготовительным этапом для постановки широких социолингвистических и историко-лингвистических проблем, которые В. М. Жирмунский стремился решать, руководствуясь принципами марксистского учения об общественном развитии.

Диалектологические экспедиции в немецкие поселения Украины, Крыма и Закавказья позволили В. М. Жирмунскому в течение 1926—1931 гг. собрать обильные лингвистические материалы, послужившие основанием для широких диалектологических обобщений. В. М. Жирмунский с самого начала отдавал себе отчет в общетеоретической значимости вставших перед ним вопросов. Немецкие крестьяне, переселившиеся в Россию из разных районов Германии в конце XVIII в., принесли с собой не только свои нравы, обычаи и фольклор, но также местные говоры. Их диалектная речь, вкрапленная в виде небольших островков в огромные массивы русской, а в ряде мест также украинской, татарской, грузинской и т. п. речи, стала развиваться по особым законам так называемых «островных диалектов». Едва ли не с первых шагов исследования этих говоров стало очевидным, что их изучение «представляет для лингвистики большой интерес не только с фактической стороны — как описание говоров, до сих пор почти не исследованных, но также с точки зрения принципиальной, методологической: изолированные среди иноязыч-

¹ «О диалектологическом атласе тюркских языков Советского Союза», ВЯ, 1963, 6.

ного населения немецкие колонии являются как бы экспериментальной лингвистической лабораторией, в которой, на протяжении сравнительно короткого промежутка времени в 100—150 лет, в обстановке удобной для наблюдения, совершались языковые процессы, обычно разворачивающиеся на протяжении целых столетий»².

Задача заключалась в том, чтобы путем сравнения итогов развития немецких говоров на новой родине, в условиях их изоляции, с исходными данными, известными из монографических описаний диалектов Германии или по немецкому лингвистическому атласу, реконструировать историю этих говоров и соответственно выявить основные закономерности их исторического развития. В условиях «островного» развития имели место процессы смешения говоров из различных районов Германии, нивелирование речи поселенцев в границах новых районов, образование смешанных говоров, непосредственно не совпадающих ни с одним из первоначальных диалектов, явившихся исходным пунктом для процессов смешения. В. М. Жирмунский пришел к убеждению, что изучение этих процессов может быть плодотворным только на основе теоретических принципов лингвистической географии, или, как он выражался, «диалектографии», немецкой и французской. Один из пионеров лингвогеографического изучения диалектов в нашей стране, В. М. Жирмунский посвящает теперь ряд исследований выяснению методологической важности новых диалектологических методов³.

Надо, однако, заметить, что, опираясь на положительные результаты исследований немецких диалектографов по историческому комментированию карт лингвистического атласа, В. М. Жирмунский вместе с тем с самого начала ставил перед собой цели и задачи, выходявшие за рамки проблематики, характерной для немецкой диалектографии. Это обстоятельство имело принципиальное значение.

Неоспоримой заслугой немецкой диалектографии был критический пересмотр старого понимания диалектов и их исторического развития. Опираясь на картографическое обследование диалектов и разделяющих их изоглосс, немецкая диалектография опрокинула господствовавшие ранее догматические представления о неподвижных и замкнутых диалектных системах, отгороженных друг от друга непроницаемыми перегородками. Было обнаружено, что изоглоссы отдельных фонетических признаков не всегда совпадают друг с другом, что они могут образовывать обширные переходные зоны между диалектами («зоны вибраций») и что только в центре «языкового ландшафта» отчетливо вырисовывается диалект как «основное ядро», сохраняющее постоянство структуры.

Сложные конфигурации «языковых ландшафтов» не могли быть объяснены с помощью старых понятий о постепенной филиации и распадении языкового единства. На передний план в немецкой диалектографии выступили процессы смешения и интеграции диалектов под воздействием речи экономических, политических и культурных центров. Открытые диалектографические процессы «языковых излучений» легко было связать с хозяйственной и политической историей края, передвижениями народных масс, в особенности — крестьянства, торговыми сношениями и т. д. Так совершался переход от абстрактного рассмотрения языковых процессов к их социально-историческому осмыслению. На этом пути не-

² В. М. Ж и р м у н с к и й, Проблемы колониальной диалектологии, «Язык и литература», III, Л., 1929, стр. 181.

³ См., например, его статьи: «Проблемы немецкой диалектографии в связи с историческим краеведением» («Этнография», 1927, кн. 3,1), «О некоторых проблемах лингвистической географии» (ВЯ, 1954, 4), а также «Предисловие» к сб. «Немецкая диалектография» (М., 1955).

мецкие диалектографы 40 лет спустя после Энгельса и не зная его работ, повторили его поразительные по глубине суждения об исторических судьбах франкского диалекта и древнейшей картине взаимоотношений германских племенных языков ⁴.

Во всем, что касается исторической стратиграфии диалектных явлений и социально-исторического обоснования их развития, общие выводы, к которым пришли Ф. Вреде, и, в особенности Т. Фрингс, не вызывали принципиальных возражений. Но в некоторых, весьма существенных для теории языка, моментах эти воззрения бесспорно нуждались в конкретизации. Выдвигая на передний план процессы фонетического развития диалектов при их смешении и взаимопроникновении, диалектографы оставляли без внимания конкретные лингвистические механизмы этих процессов. Между тем, без уяснения этих механизмов соотношение языковых процессов с лежащими в их основе социально-историческими фактами в конечном итоге сводилось к чисто внешнему увязыванию, обусловленному совпадением пространственных границ этих процессов. Реальная природа воздействия социально-исторических фактов на строй языка оставалась при этом непознанной. Тем самым языковедение теряло возможность применять достижения исторической диалектографии к эпохам, от которых сохранились только историко-языковые данные.

Именно это недостающее звено в теоретической концепции диалектографии обратило на себя внимание В. М. Жирмунского в ранний период его увлечения диалектологией. Он сразу заметил благоприятные перспективы, открываемые «островной диалектологией» для изучения реальных механизмов процессов, которые происходят при смешении и взаимодействии диалектов. «По отношению к отдаленным историческим эпохам. — писал он тогда, — ввиду отсутствия непосредственных свидетельств, возможны лишь гипотетические реконструкции. Даже для говоров восточной Германии, возникших в результате колонизации земель, первоначально населенных славянами, процессы смешения до сих пор остаются невыясненными... Напротив, в современных колониях процесс смешения доступен непосредственному наблюдению в благоприятных условиях лингвистического опыта» ⁵. Сравнивая продукты процессов смешения с их исходными данными, как они восстанавливаются по свидетельству исторических источников о переселении, В. М. Жирмунский стремился обнаружить механизмы процессов языкового смешения.

Выводы, к которым В. М. Жирмунский пришел по проблемам немецкой «островной диалектологии», имели общетеоретическое значение и получили широкое признание. Было установлено, что в каждом отдельном случае диалектной конвергенции прежде всего выделяются факторы, определяющие общее ее направление. В историческую эпоху, когда уже сложилась литературная норма, при столкновении диалекта и литературного языка фактором, обуславливающим исход процессов конвергенции, является литературный язык. Сравнивая фонетический строй диалекта с фонетическим строем литературного языка, В. М. Жирмунский установил, что важнейшие отклонения диалекта от литературного языка могут быть разделены на признаки «первичные» и «вторичные». К первичным относятся признаки, не совместимые с литературным языком, находящиеся в резком противоречии с его системой и четко выделяемые носителями диалектной речи как таковые. К вторичным признакам относятся отклонения менее резко выраженные, не осознаваемые носителями диалекта. Признаки первого рода в процессе конвергенции решительно

⁴ См.: Т. Ф р и н г с, Энгельс как филолог, сб. «Немецкая диалектография».

⁵ «Проблемы колониальной диалектологии», стр. 182.

устраняются, тогда как признаки второго рода удерживаются, и только по ним можно определить диалектную принадлежность субстрата, подвергшегося выравниванию.

При образовании «общего языка» (койне) на основе родственных говоров в обширном районе немецких поселений фактором, определяющим направление конвергенции, оказались признаки, общие для всех говоров данного типа. И в этом случае различие первичных и вторичных признаков проявляется с достаточной силой. Наиболее заметные различительные признаки говорами отбрасываются, тогда как признаки вторичные, ускользающие от внимания говорящих, удерживаются. Во всех случаях, таким образом, отпадает то, что резко противоречит новой норме, к закреплению которой стремится процесс конвергенции, и сохраняется то, что, хотя и разделяет отдельные говоры, но представляется незначительным и малосущественным отклонением.

Так устанавливается закономерность, определяющая общую направленность и внутренний механизм процессов смешения. Реконструкция старых говоров, унифицированных в процессе смешения, может опираться лишь на вторичные признаки. Фонетические закономерности, открытые для конвергирующих диалектов, естественно, не распространяются на процессы спонтанного развития и дивергенции диалектов.

Общие итоги исследования поселенческих говоров были опубликованы В. М. Жирмунским в ряде работ⁶. Диалектологическая тематика продолжала интересовать ученого и в последующие годы, приобретая с течением времени все больший размах и глубину. Она получает отражение в серии работ, публиковавшихся в 30, 40 и 50-е годы.

3. Начиная с 30-х годов, внимание В. М. Жирмунского все в большей степени привлекали общие проблемы исторической диалектологии немецкого и шире — германских языков. Определяющую роль здесь сыграли работы Ф. Энгельса о древних германцах, особенно его исследование «Франкский диалект». Как известно, рукопись этого труда, оставшегося неопубликованным в течение нескольких десятилетий, была впервые издана в Москве на немецком и русском языках в 1935 г. В. М. Жирмунский принимал активное участие в ее редакционном просмотре и с этого момента интерес и внимание к этому замечательному труду характеризуют важнейшие германистические работы ученого. В. М. Жирмунский публикует ряд специальных исследований, посвященных анализу важнейших положений Энгельса по вопросам исторической диалектологии и истории германских племен⁷. Рассматривая труд Энгельса, как «классический образец сложной методики восстановления... древних языковых отношений в тесной связи с историей народа...»,⁸ В. М. Жирмунский в ряде своих важнейших исследований исходил из широких исторических и методологических перспектив, открываемых работой Энгельса⁹.

Итогом диалектологических исследований Виктора Максимовича и в известной степени итогом работ по немецкой диалектологии в мировой науке явился его фундаментальный труд «Немецкая диалектология».

⁶ См. его статьи: «Проблемы колониальной диалектологии»; «Sprachgeschichte und Siedlungsmundarten» («Germ.-rom. Monatsschr.», 1930, Jg. XVIII, Hf. 3—4, 5—6), а также его книгу «Die deutschen Kolonien in der Ukraine» (Moskau, 1928).

⁷ См. его статьи: «„Франкский диалект“ Фр. Энгельса» (ИАН СССР, Отд. обществ. наук, 1936, 4), «„Франкский диалект“ Энгельса и проблема немецкой диалектологии» («Ип. яз. в шк.», 1954, 5), а также историографическую часть книги «Немецкая диалектология» (М.— Л., 1956).

⁸ «Немецкая диалектология», стр. 63.

⁹ См.: «Племенные диалекты древних германцев» («Сравнительная грамматика германских языков», I, М., 1962), «Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков» (М.— Л., 1964).

В 1962 г. монография была опубликована на немецком языке в ГДР ¹⁰. Дialeктографическая тематика, как она определилась ко времени написания этого обобщающего труда, составляет содержание лишь первой его части. Во второй части книги, основной как по содержанию, так и по объему, впервые в германистике представлено всеобъемлющее исследование по сравнительно-исторической фонетике и морфологии немецких диалектов.

По своему основному содержанию «Немецкая диалектология» — это менее всего статическое описание современных диалектов немецкого ареала и внутренней структуры каждого из них. Главное, что интересует автора «Немецкой диалектологии», — это данные современных говоров в их историческом аспекте.

Как и в исследованиях раннего периода, он стремится дополнить материалы исторической диалектографии исследованием внутреннего механизма развития диалектов. «Одностороннее увлечение проблемами лингвистической географии, — замечает он, — при всей их важности, неблагоприятно отразилось на разработке других не менее существенных проблем диалектологии, в особенности тех ее разделов, которые связаны с внутренними процессами развития языка» ¹¹. Рассматривая движение и распространение того или иного фонетического или морфологического факта в пределах исследуемого ареала, лингвистическая география пренебрегала генетической стороной явления, лингвистический факт интересовал ее по преимуществу как нечто готовое, как законченный продукт языковой истории. Внутренние закономерности формирования языковых фактов в процессе функционирования языка оставались, так сказать, за кадром диалектографических исследований. Все это привело к необходимости исследовать диалекты в плане выявления законов развития их внутренней структуры. В. М. Жирмунский указывал на необходимость «обобщающих работ по сравнительно-исторической фонетике, которые позволили бы наметить общие закономерности и перспективу их развития, опираясь одновременно и на показания средневековых письменных памятников», равно как и «сравнительной морфологии диалектов», которая «могла бы выяснить общие закономерные тенденции грамматического развития немецкого языка, более свободно проявляющиеся в устной народной речи, чем в связанном письменной традицией литературном языке» ¹².

По-новому понятая сравнительно-историческая грамматика и составляет основное содержание «Немецкой диалектологии». Отчасти продолжая тенденцию, наметившуюся в трудах Л. Зюттерлина, О. Бехагеля, Кр. Сарау и др., В. М. Жирмунский предложил читателю всеобъемлющее исследование по сравнительной грамматике немецких диалектов. Однако труд В. М. Жирмунского выделяется не только исчерпывающим охватом материала, но и последовательным обнаружением общих типологических черт в развитии немецких диалектов; тем самым в нем объединены сравнительно-исторический и историко-типологический аспекты рассмотрения диалектов немецкого языка.

Чтобы оценить по достоинству новаторский характер и значение этого огромного труда, надо учесть, что само понятие «сравнительной грамматики диалектов» является новым словом в науке о языке. Установившаяся в младограмматическую эпоху номенклатура лингвистических

¹⁰ «Deutsche Mundartkunde. Vergleichende Laut- und Formenlehre der deutschen Mundarten», Berlin, 1962.

¹¹ «Немецкая диалектология», стр. 142.

¹² Там же, стр. 143.

дисциплин не знала такой языковедческой дисциплины. Более того, с точки зрения старой компаративистики попытка сравнительного изучения современных диалектов показалась бы ересью. Еще совсем недавно принято было различать диалектологию, историческую грамматику языка и сравнительно-историческую грамматику как дисциплины, относящиеся к различным эпохам языкового развития. При этом диалектологии отводился самый поздний период в истории языков данной группы. Уже Фр. Энгельс в «Франкском диалекте» взломал эти хронологические рамки, показав, что чисто внешняя хронология историко-лингвистических фактов, установленная кабинетной ученостью на основании изолированных письменных памятников, носит во многом искусственный характер и часто приходит в противоречие с данными живых народных говоров¹³. Подробно разработанная В. М. Жирмунским сравнительно-историческая грамматика немецких диалектов наглядно показывает, каким неиссякаемым источником для истории языка являются современные диалекты при сравнительно-историческом к ним подходе.

Всякий, кто пожелал бы составить себе достаточно подробное и полное представление о закономерностях развития таких интимных сторон фонетического и морфологического строя германских языков, как передвижения согласных и перегласовки гласных, склонение существительных и спряжение глаголов, должен отныне обращаться не только к сравнительной грамматике германских языков, основанной на сопоставлении данных готского, древневерхнемецкого, древнеанглийского и других германских древнеписьменных языков, не только к истории германских литературных языков, но и к сопоставительным данным живых народных говоров, представленным в работе В. М. Жирмунского. В комплексном подходе В. М. Жирмунского к историческому изучению строя германских языков диалектография и сравнительный анализ диалектных данных составляли одно сложное целое с данными истории литературного языка и сравнительной грамматики германских языков. Его собственные исследования по истории языка и сравнительной грамматике германских языков в значительной мере дополняли его диалектологические исследования.

Соотношение построения и методики двух монографий В. М. Жирмунского — «Немецкая диалектология» (1956) и «Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков» (1964) — показательно не только для взглядов ученого на задачи и пути исторического изучения германских языков, но и для всей его лингвистической концепции. Если в «Немецкой диалектологии» внимание исследователя было сосредоточено на разvertyивании структурных тенденций, общих для немецких диалектов, в отвлечении от исторических судеб их носителей, от процессов взаимовлияний и смешений, то во второй, более поздней работе «формулы фонетических и грамматических соответствий... раскрываются здесь под углом зрения их реальной исторической значимости как результат сложных взаимодействий между племенными диалектами, их исторически обусловленных расхождений, схождения, смешений и пространственных передвижений»¹⁴. Еще более определенно роль социального фактора в исследованиях по исторической диалектологии подчеркивается при характеристике специфики применения методики лингвистической географии к древним периодам истории языка: «В применении к древним периодам истории языка методика лингвистической географии требует прежде всего постановки вопроса о конкретных исторических свя-

¹³ Фр. Энгельс, Франкский диалект, Партиздат, 1935, стр. 47 и сл.

¹⁴ «Введение ...», стр. 7—8.

зях языка с породившей его социальной действительностью, с его реальными историческими носителями»¹⁵.

Для того чтобы правильно понимать теоретические взгляды ученого на задачи и методику комплексного сравнительно-исторического изучения группы родственных диалектов, необходимо учитывать, что сам он рассматривал «Введение...» как работу, предвещающую не только «Сравнительную грамматику германских языков», но и монографию «Немецкая диалектология», за пределы которой был сознательно вынесен весьма сложный и спорный вопрос о племенных основах немецких диалектов¹⁶; этот вопрос дополнительно специально трактовался в отдельной работе — во «Введении...». Иными словами, анализ внутренних механизмов языковых изменений был, согласно лингвистической концепции В. М. Жирмунского, лишь одним из аспектов в процессе познания столь сложного объекта, как язык.

4. Историзм, динамический подход характеризовал все лингвистические работы В. М. Жирмунского, даже те, в которых рассматривались факты современных языков. Критикуя понимание синхронии как «статической лингвистики», он писал: «Этому пониманию... мы противопоставляем рассмотрение языка как системы, которая находится в движении и развитии — как в целом, так и во всех своих частях, так что взаимоотношение между частями системы определяется не статическими противопоставлениями на горизонтальной плоскости, а динамически — законами движения системы и ее элементов»¹⁷. «Советская лингвистика, — указывал он далее, — за истекшие 40 лет выработала свои традиции и методы изучения. Методы эти не разрывают синхронию и диахронию: они вносят в синхронию элемент развития, т. е. историзм»¹⁸. Этим объяснялся и неизменный интерес ученого к языковым изменениям и преобразованиям, особенно (и это естественно для германиста) — в развитии немецкого языка.

Узловые проблемы исторической фонологии немецкого и шире германских языков, проблемы умлаута и аблаута, передвижений, исследовались не только в рамках упоминавшейся выше монографии «Немецкая диалектология», но и в ряде специальных работ¹⁹. Развитием грамматического строя немецкого языка посвящена ранняя общая статья²⁰, а также и более специальные работы о внутренних законах развития языка, об аналитических конструкциях и т. д.²¹.

Эту группу работ В. М. Жирмунского объединяли, несмотря на разнообразие тематики, общие черты: стремление выявить качественные сдвиги в реализации тех процессов, которые ранее сводились к количественному накоплению²², умение обнаружить и выделить в синхронном

¹⁵ Там же, стр. 7.

¹⁶ Там же, стр. 8.

¹⁷ «О синхронии и диахронии в языкознании», ВЯ, 1958, 5, стр. 47.

¹⁸ Там же, стр. 52.

¹⁹ См. «Умлаут в немецких диалектах с точки зрения исторической фонологии», в сб. «Академику В. В. Виноградову к его шестидесятилетию», М., 1956; «Умлаут в английском языке по сравнению с немецким», в кн.: «Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию академика И. М. Мещанинова», М. — Л., 1960; «Готские *ai*, *au* с точки зрения сравнительной грамматики и фонологии», ВЯ, 1959, 4; «Der grammatische Ablaut im Germanischen», в кн.: «Symbolae linguisticae in honorem Georgii Kurylowicz», Warszawa, 1965, и др.

²⁰ «Развитие строя немецкого языка», ИАН СССР, Отд. обществ. наук, 1935, 4.

²¹ «К вопросу о внутренних законах развития немецкого языка», «Докл. и сообщ. [Ин-та языкознания АН СССР]», V, М., 1953; «Об аналитических конструкциях», сб. «Аналитические конструкции в языках различных типов», М. — Л., 1965.

²² См.: «Умлаут в немецких диалектах...»; «Умлаут в английском языке по сравнению с немецким».

срезы языка разновременные и типологически несходные пласты — отложения неоднократных преобразований²³. Осуществление этих принципов подводило к новому осмыслению известных ранее явлений, способствовало более глубокому постижению закономерностей исторических изменений. История языка выступала при этом не как самоцель, но как средство лучшего понимания особенностей структуры и форм употребления современного языка.

Вместе с тем, являясь одним из тех ученых, которые создавали советскую социологию языка²⁴, Виктор Максимович весьма пристально занимался социально-историческим анализом развития немецкого языка от древнегерманских племенных диалектов до современного немецкого национального литературного языка.

Уже в ранней общей работе о соотношении национальных языков и диалектов В. М. Жирмунский показал особенности процесса формирования единой нормы национального языка в Германии. Затянувшаяся феодальная раздробленность, отсутствие политического и культурного центра — все это тормозило языковые объединительные процессы и способствовало живучести территориальных диалектов. Возвращаясь неоднократно к проблемам, связанным с изменениями в общественном бытии немецкого языка²⁵, В. М. Жирмунский наиболее подробно осветил изменения, происходившие в соотношении письменно-литературного языка и территориальных диалектов, а также полудиалектов и городского просторечия, в книге «История немецкого языка»²⁶.

Задуманная как учебное пособие для студентов, специализирующихся по германской филологии, книга эта от издания к изданию все более полно отражала основные методологические принципы ученого. В отличие от обобщающих работ по истории немецкого языка таких корифеев германистики, как О. Бехагель и Ф. Клуге, учебник В. М. Жирмунского впервые включал, помимо исторической фонетики и исторической грамматики, детальное рассмотрение развития литературного языка в его соотношении с другими формами речевой деятельности. Книга в целом оказала огромное влияние на развитие советской германистики; особенно следует выделить те ее разделы, которые посвящены анализу изменений в общественном бытии немецкого языка, исследованию процессов формирования немецкого национального языка, поскольку впервые в учебнике по истории немецкого языка эти проблемы получили марксистское толкование. Все, что создавалось впоследствии в этом направлении в советской германистике, являлось до известной степени продолжением и развитием идей, изложенных в работах В. М. Жирмунского по этой тематике.

К рассмотрению проблем сравнительной грамматики В. М. Жирмунский обратился в 40-х годах в связи с общим интересом к генетическим проблемам, характерным для того периода истории советского языкознания²⁷. Более интенсивные занятия сравнительно-историческими проблемами начинаются в конце 50-х годов, когда под общим руководством М. М. Гухман, В. М. Жирмунского, Э. А. Макаева и В. Н. Ярцевой

²³ См.: «Der grammatische Ablaut in Germanischen»; «Готские *at, au*».

²⁴ См., в частности, его раннюю работу «Национальный язык и социальные диалекты», Л., 1936.

²⁵ См.: «Введение» к «Немецкой диалектологии», где в кратком экскурсе описывается развитие от племенных диалектов к языку народности и далее к национальному языку, а также главу VIII «Введения в сравнительно-историческое изучение германских языков».

²⁶ См.: издание 5-е, пересмотр. и испр., М., 1965.

²⁷ См.: «Происхождение категорий прилагательных в индоевропейских языках в сравнительно-грамматическом освещении», ИАН ОЛЯ, 1946, 3.

группа германистов приступила в Институте языкознания к созданию академической «Сравнительной грамматики германских языков»²⁸. В этом коллективном труде В. М. Жирмунскому принадлежат разделы «Племенные диалекты древних германцев» (т. I) и «Категория имени прилагательного в древних германских языках» (т. IV).

Сравнительная грамматика для В. М. Жирмунского никогда не была набором фонетических и морфологических архетипов, отрешенных от жизни этнических коллективов, говоривших на древних германских языках; ее содержанием являются реальные системы языковых форм, неотторжимые от породившей их социальной действительности. В монографии «Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков» он специально указывал, что «... сравнительная грамматика германских языков опирается как на свою историческую основу на сравнительное изучение племенных диалектов древних германцев»²⁹.

Виктор Максимович всегда полагал, что основной задачей сравнительно-исторических исследований является не только и не столько реконструкция исходной системы родственных языков, сколько рассмотрение закономерностей развертывания этой системы в развитии языков данной группы на основе сопоставительно-типологического их изучения. Такое понимание задач сравнительной грамматики определило в свое время построение монографии о немецких диалектах, оно отразилось и в очерках, посвященных характеристике древнегерманских диалектов³⁰. Но, может быть, наиболее интересным, поистине блестящим образцом такого сравнительного исторического рассмотрения является глава об имени прилагательном в т. IV «Сравнительной грамматики германских языков».

Вопрос о генезисе категории прилагательного в разных языках давно интересовал ученого³¹. Свообразный статус этой части речи в тюркских языках, которыми Виктор Максимович начинает заниматься в связи с работой над народным эпосом тюркоязычных народов Советского Союза, подводит его к постановке генетических проблем в применении к этой грамматической категории. Историко-типологическое осмысление данных индоевропейских языков с учетом тюркского языкового материала позволило ему еще в 40-е годы считать, что выделение прилагательного из некоей обобщенной именной части речи является вторичным и что в индоевропейских языках сохранились пережитки слабой дифференцированности этой части речи. Эти идеи получили затем развитие в применении к германскому материалу³².

Показав исконную нерасчлененность имени в индоевропейских языках и пережитки этой нерасчлененности в языках германской группы, В. М. Жирмунский раскрывает общие для всех германских языков тенденции в процессах выделения и обособления прилагательного из первичного амбивалентного образования; при этом он подчеркивает и индивидуальные особенности, характерные для развития отдельных германских языков.

5. Изучение конкретных вопросов истории и диалектологии немецкого языка, сравнительной грамматики германских языков сочеталось у В. М. Жирмунского с постановкой важнейших теоретических вопросов общего языкознания. Особенно интенсивным становится интерес к обще-

²⁸ Т. I — М., 1962; II — М., 1962; III — М., 1963; IV — М., 1966.

²⁹ «Введение ...», стр. 7.

³⁰ См.: «Введение ...».

³¹ См.: «Развитие категории частей речи в тюркских языках по сравнению с индоевропейскими языками», ИАН ОЛЯ, 1945, 3—4; «Происхождение категории прилагательных в индоевропейских языках в сравнительно-грамматическом освещении».

³² См.: «Сравнительная грамматика германских языков», IV.

теоретическим проблемам в последнее десятилетие его жизни. Став во главе Научного совета по общей теории советского языкознания, В. М. Жирмунский и как исследователь, и как организатор способствовал развитию советской теории языка.

Теоретико-лингвистическая концепция В. М. Жирмунского основывалась на диалектико-материалистическом понимании многообразия и противоречивости такого сложного объекта, как язык. Поэтому любая односторонность в трактовке языковых фактов была ему глубоко чужда. Противник абсолютизации формально-структурного анализа и гипостазирования синхронии, противник фетишизации таких понятий, как «система» и «структура»³³, В. М. Жирмунский был вместе с тем далек от атомизма младограмматиков или от семантических построений, пренебрегающих особенностями формы конкретных языков.

Язык был для него не застывшей схемой чистых отношений, но живым, целым, развивающимся в конкретных условиях, существующим в многообразии социальных и функциональных вариантов. Внимание к социальным факторам развития языка у него сочеталось с анализом внутрисистемных связей. Не случайно, создавая образцы социолингвистических исследований, В. М. Жирмунский разрабатывал в то же время вопросы исторической фонологии, намечал решение таких проблем, касающихся языковой структуры, как граница слова, категория частей речи, аналитические конструкции. Глубокое проникновение в общественную природу языка проявилось в этих исследованиях языковой структуры в особом внимании к значимой стороне языка: формальная реализация грамматических значений хотя и учитывалась, но играла в построениях В. М. Жирмунского не главную роль, поскольку она подчинена закономерностям функционирования рассматриваемых языковых категорий.

Именно эти компоненты лингвистической теории он считал достижением передового советского языкознания, но не своим личным, хотя его роль в оформлении этих положений была исключительно велика³⁴.

Бесспорно, особое место среди общетеоретических работ В. М. Жирмунского занимают исследования по социологии языка и не только потому, что он был одним из пионеров в разработке этой проблематики.

Целый цикл работ, начиная с раннего труда «Национальный язык и социальные диалекты» (1936) и кончая одной из последних лингвистических статей Виктора Максимовича «Марксизм и социальная лингвистика»³⁵, посвящен социолингвистической проблематике. «Социальная лингвистика в узком смысле, — писал В. М. Жирмунский, — рассматривает два взаимосвязанных круга проблем: 1) социальную дифференциацию языка классового общества на определенной ступени его исторического развития...; 2) процесс социального развития языка, его историю как явления социального (социально-дифференцированного)»³⁶. Отмечая условность этого деления, он подчеркивал: «Описывая структуру языка с точки зрения ее социальной дифференциации, мы должны учитывать ее прошлое и будущее, т. е. всю потенциальную перспективу ее социального развития»³⁷. Иными словами, не только строй языка, но и его социальная дифференциация не могут изучаться в плоскости синхронного среза, без учета динамики социального развития. Специальные исследо-

³³ См.: «О синхронии и диахронии в языкознании»; «О границах слова», в кн.: «Морфологическая структура слова в языках различных типов», М. — Л., 1963.

³⁴ См.: «Теоретические проблемы советского языкознания», «Вестник АН СССР», 1963, 7.

³⁵ См. в кн.: «Вопросы социальной лингвистики», Л., 1969.

³⁶ «Марксизм и социальная лингвистика», стр. 14.

³⁷ Там же.

вания В. М. Жирмунского по германским языкам, особенно по истории и диалектологии немецкого языка, являются образцами этого социально-исторического подхода к языковым процессам.

В настоящее время, когда в зарубежном языкознании, в частности — США, наметился повышенный интерес к проблемам социологии языка, социолингвистические принципы и методы, содержащиеся в работах В. М. Жирмунского, приобретают особое значение — тем большее, что в некоторых американских работах проявляется тенденция непосредственно связывать структуру языка со структурой общества, крайне упрощается проблема социальной дифференциации языка в современном классовом обществе, отсутствует исторический подход к сложившейся языковой ситуации в определенных общественных условиях.

Несмотря на поразительное многообразие и разноплановость тематики, на сочетание исторического и современного языкового материала, единая лингвистическая теория, единый пафос борьбы и созидания были присущи творчеству Виктора Максимовича Жирмунского, выдающегося германиста и теоретика языкознания, организатора и вдохновителя советской школы германистов. Единство теории зиждилось у него на важнейших принципах марксистской общественной науки: на признании общественной природы языка, его социальной обусловленности и на историзме, понимании диалектической связи между внешней обусловленностью языка и внутренними законами его развития.
